

БИБЛИОТЕКА

СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

ДЛЯ ШКОЛЫ И ЮНОШЕСТВА

под редакцией **Е. Ф. НИКИТИНОЙ**

R 250
308

**АРТЕМ
ВЕСЕЛЫЙ**

НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ

БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ
ДЛЯ ШКОЛЫ И ЮНОШЕСТВА
ПОД РЕДАКЦИЕЙ Е. Ф. НИКИТИНОЙ

КРИТИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

R 255
808

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ

31-15492.

38-255
ЛЕНИН

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
«НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ»
МОСКВА 1931 ГОД

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Биография Артема Веселого	5
В. Красильников. — Артем Веселый	7
Е. Ф. Никитина. — Артем Веселый. (Тематика, композиция, стиль)	27
С. Пакентрейгер. — Дикое перо (Артем Веселый)	93
Вяч. Полонский. — Артем Веселый	113

Библиографический указатель:

I. Произведения	139
II. Биографические сведения	140
III. Критика	141

БИОГРАФИЯ АРТЕМА ВЕСЕЛОГО

Артем Веселый (псевдоним Николая Ивановича Кочкурова) родился 17 сентября 1900 г. в г. Самаре, в семье волжского крючника. Детство провел в рабочей слободке. Рано стал добывать хлеб собственным трудом: работал на заводе, был ломовым извозчиком и т. д. До революции получил начальное образование. После революции был некоторое время в московских вузах, откуда был исключен «за полную неспособность к наукам». В 1917—1921 гг. был партийным работником, солдатом и редактором.

Первое крупное печатное выступление, обратившее на себя внимание критики,—драма «Мы» в «Красной Нови» 1921 г., № 3. С 1922 г. стал заниматься литературной деятельностью. В 1925 г. был членом правления ВСП. Принимал деятельное участие в организации группы «Перевал», откуда вышел в 1926 г.

В. КРАСИЛЬНИКОВ

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ

В России, революция, вся
Россия на ножах.

Россия, кровью умытая.

А папаша, то-есть буржуй
ихний, безусловно пляшет.

Вольница

I

Каждому свое: Всеволоду Иванову после «Партизан» и «Бронепоезда 14-69» увлекаться «подсознательным» человеческой природы и копать в «Тайном тайных» изживающей или изжившей себя деревни; Леониду Леонову заниматься людьми «с пупырышками», «путанными» Фирсовыми и Манюкиными; Федору Гладкову продолжать историю героя «Изгоев» Угрюмова в повести «Старая секретная» и А. Фадееву создавать эпопею сибирской партизанщины—роман «Разгром», как подытоживание повестей «Против течения» и «Разлив». Каждый большой писатель—на то он и большой—должен иметь свою основную тему и своего любимого героя. Правда, случается, что не так скоро он, этой герой, будет избран; случается, что в поисках его кривую от «Записок Ковякина» до «Барсуков» и «Вора» вычертит продукция Л. Леонова. Но «счастлив писатель и вдвойне завиден удел его», если из необозримого количества «характеров скучных, противных, поражающих печальной своей действительностью», он изберет «один, являющий высокое достоинство человека»¹, изберет постоян-

¹ Гоголь. Мертвые души.

ного героя и будет верен ему по гроб своей литературной жизни.

Артем Веселый принадлежит к числу «счастливых» писателей: Россия, вздернутая на дыбы, Россия, пьяная революцией,—единственная тема его повестей и романов так же, как единственен и герой—миллионы фронтовиков, вынесших на своих плечах непосильную нагрузку Февраля и Октября. Конечно, эти миллионы не однородны; в загаженные окопы они пришли «идолами» из деревни Урайкина мордовского народонаселения, агитаторами-подпольщиками из сибирских поселений, краснобаями-завсегдатаями городских пивных и кабаков, работающими мужичками Карпухами Хохленковыми «Страны родной», раздумывающими в долгие ночи про свою бабу и малых ребят,—но сейчас, в летние дни 1917 года, после «нерушимых клятв суке Керенскому», все они уперлись в одну точку: «домой». Домой не на словах, а на деле; недолго будут продолжаться у солдат такие сцены с командным составом:

«Они (командный состав.—В. К.).

— Расея наша мать.

Мы:

— Домой.

Они:

— Честь русского оружия.

Мы:

— Домой.

Они:

— Геройство, лавры, долг.

Мы:

— Домой.

Они:

— Святая родина.

Мы:

— Домой, домой и домой.

Они:

— Присягу давали?

— Эх, крыть нечем: верно, давали».

Скоро придут Октябрьские деньки, разорвут фронтовики на клочочки лярву-командира, обвесят вокзалы, теплушки своими эшелонами и загорятся—опять все, всей массой—одним страстным желанием «хрулить гадов», бить с тычка, наотмашь, с навесу. Единое социальное устремление—вот что объединяет толпы фронтовиков Артема Веселого и, не мешая портретности отдельных представителей, блестящим образом передает стихийность тех первых дней, лозунг которых формулировался просто: «Все наше! Головы мы! Когти мы! Беломордые? Што нам беломордые—сила наша! Всех потопчем! Всех порвем!»

Фронт—это масса поневоле; ее просто было собрать по приказу «его императорского», а еще проще распустить декретом о демобилизации. Но такова была эпоха Октябрьской, по Артему, «простонародной революции», что самые потаенные углы зажигали искры ее пожара; до раскольничьих деревень Спасова согласия, которые «ни Миколаю, ни Ермолаю ни одного солдата не дали», докатывались новоиспеченные инструктора орготделов и объявляли о присоединении к Советроссии. Все тронулось с насиженных мест, все поплыло: кулаки—прятать хлеб в буераки, «в недоступные места»; комбеды—«вышибать из-под кулаков днище»; интеллигенция—или содействовать в положении сочей¹ или потаенно бубнить о близости Колчака. И ю миллионах уездной России, миллионах, опять сошедшихся в одной точке—действовать или ме-

¹ Соч—сочувствующий.

шать революции,—из современных писателей лучше всех опять сказал Артем Веселый. Он нашел наиболее портативные приемы для передачи настроений масс; на страницы его романов впервые так властно вломилась сцена драматических представлений, развязались «нехоть овчинные языки»:

«— Живем, декреты жуем!

— Двое ден животы дрогнут!

— Пустое дело—кипяток, и тово нету, не стотовились, не додумались...—И руки вразброс:—Эх, власть, эх, управители!

— Пустое дело кипятком, плюнуть раз...

— И трактиры опять же разорили...

— Захлебнуться нечем...

— Дорогие товарищи, позвольте!...

— Нет, ты погодь...

— У нас вот мозоли-то на руках, а у вас на языках...

— Хо-хо».

Эту же стихийную «простонородность» революции подчеркивает подлинно народный диалог героев, язык гибкий и сочный, искрящийся пословицами, поговорками, и несуразная, но так подходящая к взбаламученной стране родной композиция повестей и романов. Артем показал, что, если «в России революция», то действительно—«вся Россия на ножах», и под угрозой этих ножей даже «папаша», то-есть буржуй ихний,—старый был, безусловно пляшет».

II

Крой, Пашка, крой, как-нибудь надо выкарабкиваться.

(Страна родная)

Стихия стихией, вся Россия на ножах. Митинг, вселенская суматоха и бой. Умелым, может быть, даже редким, но все-таки фотографом—не более—был бы Артем, если бы, заварив кашу своих романов, не объяснил, почему такой крутой она вышла, не показал героев, организующих всесветную заваруху. Как пролетарский писатель-материалист, сам непосредственный участник гражданской войны, он обязан был это сделать... и талантливо сделал. Прежде всего, по Артему, революционная заваруха—не случайность, не шальной разгулявшийся ветер. Она подготовлена солдатским «бытием» на фронтах «при царе Николашке»,—тем, что «вошь точит шкуру, тоска хрулит кости, а мы... терпим голод, холод, несем фронтовую службу и греть нам некого». Она вызвана долгими одиночными бабьими ночами, домашними письмами о разоре, дорогом ситце, сахаре и начинающейся голодовке. И ее наступление ускорено сознательными Иванами Павлычами Капустиными—«самыми политическими людьми, давно тайно революцией занимавшимися». Артем не преувеличивает значения Капустиных: он знает, что первые революционные пули зажужжали на улицах Петрограда и только задним числом всколыхнули фронт. Но лиха беда услышать: «царя в отставку к шаху-монаху на постны щи», и поле действий для Капустиных расширилось. А вскоре им на помощь пришли комитеты—«в каждом полку комитет, в каждой роте комитет, в корпусе будто комитет был, да что

там!—каждый низший чин и тот сам себе комитет, только бы глотка гремела». Очень трудно из «гремящих глоток» выбрать сознательно «поддерживающих солдатский интерес», гораздо проще изобразить революционные события, как случайность («Партизаны» Всеволода Иванова) но Артем Веселый—пролегарский писатель и убежденный материалист. Герои-организаторы, вводящие в спокойное русло бурные воды «простонародной революции», отмечены им еще в первой вещи—драме «Мы»; это они в лице комиссии «по очистке от элементов» («стервы-комиссии» по определению Ваньки Крокодила и Мишки Громмофона) невозмутимо описывают разгулявшуюся братву—бывших комиссаров великой Октябрьской революции—с корабля в «Реках огненных»; это они в качестве дежурных членов «Совета Рабочих и Солдатских» выходят умиrotворять толпу, обвешанную бомбами, кольтами. Трудно им работать среди митингов «с кровью, с мясом, с шерстью»; может быть, именно с них с первых летит эта самая шерсть, ведь толпа живет по законам особой, массовой психологии, и когда из нее «для забавы стреляют»—не поймешь: «мож-быть, кверху, мож-быть, в члена. Не всякий, скажем, понятие о прицеле имеет». Разгром станичного базара, разнос вдребезги винных погребов, кабаков, ресторанов, вихрем свадьбы, сплошная гуляня—все эти сцены нашли в повестях Артема Веселого незабываемое изображение. Но даже в самые бесшабашные минуты его «Вольницу» предостерегают тревожные голоса: «Товарищи! Бей, да оглядывайся—не вышло бы тут какого рикошета!» Голоса эти с каждым днем становятся все тверже, жестче; от митингов, агитаций они переходят к приказам с грозной концовкой «за неисполнение сего подлежите расстрелу». Чем

сильнее разливается полая вода революции, тем все опытнее, увереннее становятся ее организаторы-вожди; отчетливее проявляется их руководящая роль в стройке советской страны, успешнее отбивают они лобовые атаки своих противников.

Наиболее острое столкновение организующей воли с миллионной, собственнически настроенной, мужицкой Россией Артем дал в романе «Страна родная». Его «Хомутово село, с широкими пятистенными, под тесом, под железом избами; с дворами, крытыми наглухо—сундуки, не дворы; с кютами во весь угол... и народом крупным, чистым да разговорчивым»—стало широчайшим символом всей кулацкой, отчасти середняцкой контрреволюции 1918—19 гг. Часто искры ее летят из самого уездного города Клюквина. Торопясь «гнать продразверстку», продработники делают много ошибок (напр., «набирают битой птицы целый амбар—она вся раскисла, всю волость протушили»), грубейшими организационными недочетами отличается деятельность военного комиссара. Но главное, все-таки, не в этих недочетах и промахах: главное—в том инстинкте собственничества и эгоизма, которыми снабдила царская Россия мужика, главное—в его убеждении «своя хата с краю, ничего не знаю», а потому—«долой контрибуцию, долой разверстку, дай соли, дай гвоздей». Артем не смакует сцен крестьянского собственничества и темноты; его мужики не чигают: «Кому татары, а кому лядторы», как заставляет их делать Пильняк в «Голом годе», они не чувствуют вражды к городу, но тяжелый груз жизни под нагайкой станового, лежащий на их плечах, приучил думать лишь о своем хозяйстве, и трудно «сломать, перетянуть, направить» их на советскую линию.

Трудно, но возможно и нужно. И артемовские портреты коммунистов, организаторов уездной Советской России—героев романа «Страна родная»,—безусловно будут помещены в первой комнате картинной галереи Октябрьской революции рядом со снимками Чумаловых (Гладков—«Цемент»), Климиных и Горных (Либединский—«Неделя»), Лейзеровых (В. Иванов—«Хабу»). Все они—Капустин, Гребенщиков, Сапунков, Ванякин, Лосев, Судакова—прежде всего блестяще зарисованные человеческие индивидуальности, сколки с подлинной жизни, а затем широкие социальные обобщения. За ними скрыто тысячное многообразие руководителей Советов 1917—1918 гг. Вот перед вами бывшие подпольщики Капустин и Гребенщиков; собственно на весь уезд они лишь двое по-настоящему понимают, где начинаются и где кончаются пределы власти на местах, почему иногда даже следует нарушать приказы Наркомпрода о запрещении мобилизации продработников на постороннюю работу: «боевой приказ, нужен революции»—вот вся мотивировка Капустина и Гребенщикова. «Все дела, и большие и малые, (они) делают с одинаковой неторопливостью, со спокойным азартом. Хозяйственно обмозгуют, затешут, насекут узелки, уцепят хребтину и давай-давай швы на живую нитку метать и тут же следом схватятся наглухо гвоздить. Только им раз взглянуть, и ни одно дело от рук не отобьется». А дел-то бесконечно много, особенно если по вине белых в месяц приходится наверстать годы,—и дел разных: от заботы о военнопленных, продразверстке, нардоме—вплоть до примирения упродкомиссара Лосева с инженером, беспартийным товарищем Кипарисовым, до наблюдения за «пьяными картинами» бывшего пекаря, теперь члена исполкома Ванякина, и почти до едино-

борства с восставшими бандами дезертиров. Можно сказать, совнархоз, упродком, РКИ и даже военкомат—в одном лице. А кроме того, еще личная жизнь: Капустин изредка не дурак выпить, а Гребенщиков падок на любовь.

Коммунистов-подпольщиков, как островок на реке, окружают сотни новых членов, приведенных в партию Октябрем. «Пришли юни неустойчивыми или мало подготовленными и (на какой-нибудь иезуитский вопрос противников, вроде: «Скоро ли в Германии наступит революция, если заключим с ней мир?»—не смигнув, отвечали: «Через неделю». Такими «категорическими» поступили они в кадры героев Артема Веселого, и писатель умеет показать читателю убедительную картину их психологического перерождения. Вот, например, был председатель совнархоза Сапунков до царской войны «краснощекий молодец—одна кудря стоила рубля, а всего за сотню не укупишь,—и красовался этот молодец за прилавком пшеничного купца Дудкина. А когда открывшаяся революция выбила из-под старика Дудкина сразу всех козырей, перекинулся Сапунков к большевикам, прочитал за год, по его собственному утверждению, десять пудов книг и теперь мог сделать многочасовой доклад на какую угодно тему. От неумеренного потребления печатного слова притупились его глаза, выцвел румянец, и в этом постаревшем человеке, похожем на перелицованное пальто, никто не признал бы краснощекого кудрявого молодца, волчком вертевшегося по хозяйской лавке или, в часы досуга, беззаботно травившего базарных собак». Или еще пекарь Ванякин, избранный в члены президиума уисполкома. До той самой поры, пока сидел он за письменным столом в кабинете от десяти до четырех, напрасна была его клятва Капустину «за-

вязать узелок и не брать в рот ни капли»: каждое воскресенье обязательно встречало его «пьяным на-ново». Скоро Ванякину показалось «тошно на неходовой исполкомской работе—он бросился в деревню за хлебом» и стал знаменитым по уезду «Бешеным Комиссаром». «Переломил себя—пить бросил, никто не знал, когда он спит, ест; деревня боялась его, как огня палящего, и не было дороги, где бы не собирались его решить, но он только посмеивался и отплевывался подсолнухами; семечки грыз и во время речей, и на улице, и в дороге, не боясь ни мороза, ни ветра». Таким же упорством, умением «перелицовывать себя, как пальто», физической силой, выносливостью отличаются и все остальные уездные коммунисты «Страны родной» (исключая Елену Судакову, о которой речь ниже). Не напрасно многие из них склонны в порыве чувств величать себя в официальных (воззваниях «солдатами первой в мире социалистической революции», они действительно—тот авангард, который под руководством подпольщиков Капустина и Гребенщикова сумеет заставить уездную Россию выполнять директивы центра, стать советской по существу.

Капустины, Гребенщиконы, Сапунковы, Ванякины перелицовывают мужичью Россию собственничества и вековой темноты. И для самого Артема Веселого, как писателя, и для читателя они не только портреты уездных работников, они—герои такого недавнего прошлого. Артем любит их, замешивающих «новую жизнь, как сдобное тесто», и заставляет полюбить—или по крайней мере уважать—и читателя. Разве может опорочить Павла Гребенщикова его «жадность на любовь», когда он при первом предложении Лидочки «черкнуть чеке выдать ей из реквизированных вещей весен-

ний костюм» обещает «так черкнуть—дверей не найдешь, до жигулевского гудка чихать будешь!». А последняя сцена, дорисовывающая образ этого рядового героя времени военного коммунизма,—секретарь укома, бывший машинист, отправляет в единственном числе хлебный маршрут в Москву и оставляет на крыше одной из теплушек свою «раздробленную голову»? Смерть Гребенщикова—только наиболее яркая иллюстрация революционного энтузиазма, охватившего клюквинские (читай—все-российские) партпроф. массы.

На широком полотне «простонародной революции» Артема Веселого среди действующих лиц не хватает одной нужной фигуры: нет представительной трудовой, срабатывающей с Советами, интеллигенции. Взамен их писатель показал, по меткому выражению своего героя, «интелягушек»—завнаробразиху Елену Константиновну Судакову, старую учительшу, утешавшую обиженных, утиравшую слезы плачущих и любящую поговорить, и поэта Ефима Гречихина—мечтателя, живущего порывами настоящего дня. Непосредственные творцы революции—рабочие и крестьянские массы—заслонили от взоров Артема тех незаметных Лиз Грачевых («Неделя» Либединского), которые медленными шагами приблизились к Октябрю, их психологическое перерождение Артем проглядел и этим несколько сузил размах своих эпопей.

III

«Какое странное и манящее, и несущее, и чудесное слово «дорога». И как чудна она, эта самая дорога. Ясный день, осенние листья, холодный воздух...

Покрепче в дорожную шинель, шапку на уши, тесней и уютней прижмемся к углу... Боже, как

ты хороша подчас, далекая, далекая дорога! Сколько раз, как погибающий и тонущий, хватался за тебя, и ты всякий раз выносила и спасала. А сколько родилось в тебе чудных замыслов, поэтических грез, сколько переживалось дивных впечатлений...» (Н. Гоголь. Мертвые души, 1 ч., гл. XI).

«Пути-дороженьки расейские, ходить, не исходить вас, радоваться, не нарадоваться. Заворожили вы сердце мое бродяжье, юное, как огонь. Приплясывая, бежит оно в дали радостные. Любы мне и светлые кольца веселых озер, и ленивые развалы степей, и задумчивая прохлада мудрых лесов, и поля, поля, пылающие аржаными пожарами. Любы мне и зимы, перекрытые лютыми морозами, любы и весны, разматывающие яростные шелка. И когда-нибудь, у придорожного костра, слушая цветную русскую песнь, легко встречу свой последний смертный час» (Артем Веселый. Роман «Страна родная»).

И оказывается: так же, как в прозе Гоголя беспощадный смех, смех великого реалиста над пустотой николаевской России мог соединяться с поэтическими воспеваниями Руси-тройки, дороги,—так Артем Веселый чередует реалистические (подчас натуралистические) сцены своих эпопей с лирическими—глубине и искренности их может позавидовать поэт—отступлениями. Конечно, можно рассматривать их, как сознательный авторский прием, но для нас сейчас важно иное их значение: лирические отступления говорят о широте диапазона дарования Артема Веселого, они от полноты сердца и от переполнения записных книжек. Может быть, русская литература впервые наблюдает, как писатель пригоршнями—вопреки всяким режимам экономии—выбрасывает на стол литературы свои наблюдения, записи, исторические документы.

Из «Страны родной» иностранный писатель мог бы, самое меньшее, выкроить четыре романа—повесть о днях Гребенщикова, психологический роман о Бешеном Комиссаре, о карьере инструктора Фильки Великанова и о судьбе учительницы Елены Судаковой. Артема же не удовлетворяет даже повествование сразу о многих—«бродяжье сердце, юное, как огонь», требует включения в роман еще своих собственных излияний. Отсюда лирические отступления, отступления от избытка материала.

О формальных влияниях на Артема Веселого А. Белого, Б. Пильняка писалось, пожалуй, елишком много: чуть ли не всю композиционную увязку «Страны родной» приписывали, так сказать, нажиму со стороны. На самом же деле к А. Белому и Б. Пильняку восходят лишь технические ухищрения со строкой, ухищрения типографского свойства. Все же остальное—т. е., главным образом, обилие и оставление на произвол судьбы действующих лиц (напр., Фильки Великанова в «Стране родной»), введение в неумеренном количестве в прозу документального материала—это от неумения самоограничиваться. Артем до романа «Россия, кровью умытая», очевидно, считал вполне законным для полноты характеристики эпохи не стесняться с героями второй степени и особенно проходными фигурами: частенько их роль раздувалась за счет главных героев. Лишь в последнем печатающемся романе этот недостаток как будто бы будет устранен прозаиком.

Артем учится у Гоголя, и влияние автора «Мертвых душ» в его работах сказывается сильнее, чем чье-либо другое. Не говоря уже о лирических от-

¹ Их особенно много в повести „Дикое сердце“ и романе „Страна родная“.

ступлениях ¹, писатель использует основные приемы поголевского стиля как героико-патетического («Тараса Бульбы»), так и реалистического («Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Мертвых душ» и др.). Прежде всего—любовь к гиперболам. У Гоголя «редкая птица долетит до середины Днепра», у Артема столь же редкие «блюда с лоханку, пирожки по лаптю, ватрушки по колесу», а в избах «тараканов хоть лопатой гребь». Исчерпывающий эпитет Гоголя Артем старается закрепить в современной прозе: «худоребрый лес», «зернистое небо», «экстренный разговор», «урезной фронтовик» и т. д. Получается всегда конкретно.—У Гоголя же Артем научился зрительно-юмористическому образу, особенно при описании героев; голова «редькой хвостом вверх» и «редькой хвостом вниз». Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, варьируется им в не менее крепкие образы—«рыло с узелок», «с перепугу глаза у Митьки словно на лубке выбиты»; «Лизар Лукич Курочкин беспристрастно поблескивал лысой, похожей на жестяной чайник, головой» и т. д. Прозаик умеет одним эпитетом охарактеризовать человека: «продагент, печальный товарищ Синичкин»; «утром, зля собака своим унылым видом, пара растяпистых солдат нестроевой команды раззаборивала приказ № 25». Верным учеником обнаружил себя молодой писатель и в любви к слову; он тоже считает, что «выражается сильно русский народ и если наградит кого словцом, то пойдет оно ему и в род и в потомство, утащит он его с собой и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света» ¹. На десятки страниц набрал Артем

¹ Гоголь. Мертвые души.

народных (особенно солдатских) поговорок, пословиц, бережно записывает деревенские прозвища вроде «Танек-Пронек», «Нархист», «Бешеный Комиссар». Прекрасно отобразил он и ту сложную речевую стихию, которую переживает сейчас деревня, запутавшаяся в сокращенных названиях и иностранщине. «Укрывательство контрреволюционных лошадей», «дезертионные отряды», «чего-нибудь циркулирующие», «кризис в полном смысле», «первый параграф прибытия моего в советское село Хомутово», «целькуляры и приказы свыше»—все это характерные речевые факты уездной России, а знаменитые «доклат вкратцах» инструктора Фильки Великанова ¹ и записка «идейного милиционера рабочей крестьянской гвардии и армии РСФСР РКП т. Акима Собакина» ¹—непревзойденные образцы творчества в волостном масштабе.

Артем настолько же ученик, насколько и новатор. Новаторство его прежде всего проявляется в отношении к слову и продолжает традиции Велемира Хлебникова; он не удовлетворяется богатым лексиконом крестьянской центральной России, в большом количестве вводит провинциализмы казачьих станиц («Вольница»), матросский жаргон («Реки огненные»). Его авторский язык всегда блестяще характеризует соответствующую среду; о деревне он пишет мужичьими словами («Хомутовская волость, проводив белых, на пашню кинулась: поднимала степь под яровину. С Покрова до Михайлова дня деньки держались холодные и ясные, как стеклышко, на току хошь блоху дави, самое для молотьбы время»), о

¹ «Страна родная».

братишках-матросах—«страшными голосами Эрзерумских высот». Литературная молодость не подсказывает во-время Артему границ демократизации языка: его «снеже», «проезжа», «не доезжа», «мож-быть», «жизня» и т. д. (конечно, когда они от автора, в диалогах—другое дело)—ненужные стилистические выверты. То же самое следует сказать о названии глав в романе «Россия, кровью умытая» «залпами», а частей—«крыльями». Отказаться от традиций можно, но надо мотивировать предлагаемые новые обозначения. А пока мотивировка Артема явно недостаточна.

IV

Немного биографии и библиографии

«Родился на Волге в 1900 г. С весны 1917 г. занимаюсь революцией. С 1920 г.—писательством». В две строки Артем Веселый уложил свою автобиографию, такую типичную для современности—биографию матроса-красноармейца, выдвинутого в писательские ряды Октябрьским полководцем.

Необычайно быстр писательский рост Артема Веселого. В 1921 г. в журнале «Красная Новь» печатается его первая вещь «Мы»—«драматические картины» деревенской жизни эпохи гражданской войны; в том же году (журнал «Красная Новь», книга четвертая) становится известным рассказ «В деревне на маслянице» (впоследствии в переработанном виде он вводится автором в роман «Страна родная»). Не выделяясь из общего уровня прозы первых советских лет, деревенские вещи Артема поражают языком мощным, гибким, подлинно народным. В 1923 г. одновременно в двух журналах («Красное Студенчество» и «Молодая Гвардия») пе-

чатаяются «Реки огненные», а в 1924 г. в «Лефе» № 1—повесть «Вольница». Ею была подытожена дискуссия по поводу идеологического шатания писателя, героями которого могли быть Ванька Граммофон и Мишка Крокодил, и с ее появления безусловное внимание критики и читателя молодому прозаику было обеспечено. Романы «Страна родная» и «Россия, кровью умытая»—ценные вклады в пролетарскую литературу—это внимание полностью оправдали; в них Артем показал, что критические рецепты и годы упорной работы не прошли для него даром: организующую силу рабочего класса в революции он отчетливо увидел и ярко отобразил. Поэтому сейчас, когда писатель уже числит за собой ряд крупных литературных побед, можно смело сказать Артему одно: пусть он не стесняется упреков некоторых критиков (в частности А. Воронского), обвиняющих современную литературу в приязни ко вчерашнему дню. Его тема—отображение лет гражданской войны—никогда не перестанет быть актуальной темой, а годы военного коммунизма—такой необхватимый кусок жизни, что, может быть, на зарисовку их нехватит века не одного Артема Веселого*.

* „На литературном посту“, 1927 г., № 11—12, стр. 48—54.